

«ГЛУШИТЕЛИ»
Книга 1

**ХРАНИТЕЛЬНИЦА
БОЛИ**

Сергей Носницын

Сергей Носницын

Книга 1: Хранительница боли

<https://litres.ru/73941593>

SelfPub; 2026

Аннотация

Элиан Норвуд работает в морге. Её дар — забирать чужую боль, превращаясь в контейнер для чужих страданий. Когда в её жизнь врывается загадочный Алхимик Ксан, она узнаёт правду: её мать, создавшая Глушителей, собирается открыть дверь в мир без боли. Ценой — всех чувств, всех воспоминаний, самой жизни. У Элиан есть три дня, чтобы сделать выбор: убить мать, стать такой же пустой — или найти третий путь. «Хранительница боли» — это история о том, что боль не проклятие, а единственное, что делает нас людьми. И о любви, которая не лечит, но помогает не сломаться.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Сергей Носницын

Книга 1:

Хранительница боли

Глава 1

Глава 1. Не тот труп

В морге Трилистника воздух был пропитан тяжёлым запахом меди и увядших лилий — словно сама смерть решила приукрасить своё присутствие дешёвой цветочной маской. Тени дрожали на каменных стенах, а тусклый свет масляных светильников выделял трещины в камне, делал их похожими на шрамы с лица древнего исполина.

Элиан Норвуд стояла у каменного стола, прижимая ладонь к грудной клетке мертвеца. Она ждала. Ждала, когда боль придёт, как было всегда. Постепенно.

Сначала — едва уловимый отголосок: слабый звон в зубах, будто где-то далеко за городом ударил в колокол одинокий звонарь. Затем — волна: запах горелого мяса, хруст ломающихся рёбер, чьёто имя, произнесённое шёпотом в тем-

ноте.

— Ну же, — прошептала она, и её голос растворился в тишине, как капля чернил в воде. — Отдай мне его.

Тело под её пальцами принадлежало лорду Ашби. Час назад его нашли в собственной библиотеке — с выжженными глазами и идеально чистой душой. Инквизиция жаждала ответов. Дознаватели платили золотом за каждую унцию последних ощущений. А Элиан она просто хотела, чтобы внутри стало хоть немного тише. Чтобы гул чужих смертей, запертых под кожей, утих хотя бы на мгновение.

Но мертвец молчал.

Она убрала руку. На бледной коже лорда остался красный отпечаток — её ладонь всегда оставляла следы на тех, кто уже ничего не чувствовал. Элиан вытерла пальцы о фартук и повернулась к единственному окну. За ним тяжело дышал вечерний Трилистник.

Город не спал. Тысячи огней горели в домах Рваных — тех, чья боль сделала их сильными. В их окнах мерцали свечи, маслянные лампы, магические светильники — маленькие маяки в океане отчаяния. А в трущобах Нулевых не горело ничего, кроме костров отчаяния — тусклых, дрожащих огней, вокруг которых собирались те, кому больше некуда было идти.

— Ничего? — раздался голос от двери.

Старый мортус Харроу вошёл в помещение так тихо, словно и сам был наполовину призраком. Его серая кожа каза-

лась выцветшей, а бинты на глазах всегда пахли мёдом и йодом. Он не видел лиц, но чувствовал эмоции за версту — как слепой кот, улавливающий движение воздуха.

— Ничего, — ответила Элиан. — Его боль кто-то забрал до меня. Подчистую. Как будто её и не было.

— Так не бывает, — хрипло возразил Харроу.

— Значит, бывает, — она кивнула на пустые глазницы лорда. — Ты видишь это? Кто-то выжег не только дар. Он выжег память о боли. Так могут только

— Не произноси это слово, — резко оборвал Харроу, и в его голосе прозвучала тревога. — Даже стены здесь имеют уши.

Она замолчала. Потому что слово было — «Глушители». Такие же, как она. Те, кого научили не чувствовать, чтобы забирать чужое страдание. Которых осталось, по слухам, три или четыре человека на весь континент с названием Скорбь.

— Иди домой, Элиан, — сказал старик. — Сегодня больше никого не привезут.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я попросил не привозить.

Она хотела спросить зачем, но в этот момент тяжёлая дверь морга распахнулась с такой силой, что отлетел кусок каменного пола у порога.

— Живой! — крикнул запыхавшийся стражник. — Точнее, почти. Он ворвался в ворота, разнёс половину караулки, а потом просто упал. Инквизитор Вайолет велела доставить

его сюда. Сказала, что он — ключ.

И они втащили его.

Элиан никогда не видела ничего подобного. Мужчина — скорее мальчишка, лет двадцати трёх на вид — был связан по рукам и ногам серебряными цепями с рунами подавления дара. Его чёрные волосы слиплись от крови, искусственная белая прядь торчала, как сломанное крыло. Но самое странное было не в этом.

Вместо левой руки у него был протез из вулканического стекла. Тёмного, почти чёрного, с прожилками багрового света, которые пульсировали в такт его дыханию. Протез был горячим — Элиан видела, как воздух над ним дрожал, словно над раскалённым камнем. И он был живым. Не в переносном смысле. Настоящим. Она видела, как стеклянные пальцы слегка сжимались и разжимались, словно протез дышал.

— Имя? — спросила она, подходя ближе. Её голос звучал твёрже, чем она хотела. — Имя и причина, по которой ты отнимаешь моё время.

Мужчина поднял голову. У него было лицо человека, который слишком долго принимал свои кошмары с улыбкой : сломанный нос (по меньшей мере два перелома, определила Элиан), татуировки на пальцах — спутанные схемы магических символов, покрывающие кожу от кончиков до вторых фаланг. И глаза. Тёмные, как дно колодца, но с крошечными золотистыми искрами, которые вспыхивали и гасли в ритме, не совпадающем с пульсом.

— Тебе лучше уйти, — прохрипел он. — Пока я не пока они не

Он дёрнулся. Серебряные цепи зазвенели, и протез с глухим ударом врезался в край каменного стола. Тот раскололся пополам. Стражники отшатнулись, один выругался и потянулся к мечу. Харроу сделал шаг назад. А Элиан — нет.

Она наклонилась так низко, что её пепельные волосы упали на его лицо, и прошептала:

— Ты пришёл в мой дом. Лежишь на моём столе. И сейчас ты объяснишь, почему от тебя воняет смертью, но ты всё ещё дышишь.

Он усмехнулся. Криво, неестественно, будто разучился это делать.

— Воняет? — переспросил он. — Это приятно. Обычно я воняю страхом. Или похотью. Или тем, что остаётся от человека, когда он смотрит на свою сломанную жизнь. А смерть смерть — это что-то новое.

— Ты не ответил на мой вопрос.

— А ты не представилась. — Он склонил голову набок, и золотистые искры в его глазах вспыхнули ярче. — Хотя я и без имени вижу. Ты Глушитель, верно? Я таких раньше не встречал. Думал, вы — сказки для Нулевых. Страшилка, чтобы не плакали по ночам.

Элиан молчала. Внутри неё что-то ёкнуло — страх, смешанный с холодным любопытством. Он узнал кто она. За три секунды. Как?

— Молчание — тоже ответ, — сделал заключение мужчина. — Знаешь, что я вижу, когда смотрю на тебя? Тишину. Гулкую, пустую тишину. Такая бывает в заброшенных храмах или в людях, которые однажды забрали слишком много.

— Заткнись.

— А больно? — не слушал он. — Носить в себе чужие смерти. Чужие предательства. Чужие признания «я люблю тебя», сказанные слишком поздно. Это ведь всё там, да? Под кожей.

Он дёрнул цепями, и серебро противно зазвенело. Стражники напряглись, но Элиан подняла руку — не двигайтесь.

— Кто ты? — спросила она. — Назови своё настоящее имя.

Он посмотрел на неё долгим, изучающим взглядом. Потом перевёл глаза на своё стеклянное предплечье — там, где пульсировал багровый свет, начали проступать силуэты. Лица. Множество лиц. Мужских, женских, детских. Все с открытыми ртами. Все застывшие в крике.

— Меня зовут Ксавьер Рейвенвуд, — ответил он наконец. — Друзья зовут Ксан. Враги — тоже. Но они чаще уже не могут говорить. — Он снова усмехнулся, и в этой усмешке не было ничего весёлого. — А что я здесь делаю Я ищу тело. То, что лежало на этом столе. Лорд Ашби. Он не мёртв. Не совсем. И если ты, Глушитель, сейчас не отойдёшь, то тоже станешь не совсем мёртвой.

Элиан почувствовала это раньше, чем он двинулся. Не

страх. Не угрозу. А то, что струилось от его протеза волнами — чужую боль, так плотно упакованную в стекло, что она шевелила воздух вокруг.

— Отойди, — посоветовал Харроу за её спиной. — Элиан, отойди. Этот человек — опасен.

— Я знаю, — ответила она. Но не отошла.

Тогда Ксан улыбнулся. Настоящей улыбкой — той, что появляется у человека, который давно перестал бояться последствий.

— Ты смелая, — заметил он. — Жаль.

Цепь, державшая его стеклянную руку, лопнула. Не от его силы — от того, что эмоции внутри протеза нагрели металл до красноты. Элиан увидела, как расплавленное серебро падает каплями на пол. Затем он освобождает плечо. И поднимает протез — медленно, почти ласково.

— Я не хочу тебя калечить, — сказал он. — Но мне нужно это тело. Оно — единственное, что может спасти — Он запнулся. — Спасти коекого. Так что прости.

Он ударил.

Элиан успела увидеть только багровую вспышку — а потом мир сложился пополам. Стеклянный кулак врезался ей в живот, и рёбра хрустнули, как сухие ветки под сапогом. Воздух вырвался из лёгких с хрипом

Глава 2

Глава 2 Стеклоянная рука и железная воля

Ксан Рейвенвуд бежал по крышам Трилистника, сжимая под мышкой тело лорда Ашби, и проклинал себя за мягкотелость. Ветер свистел в ушах, рвал волосы, бросал в лицо капли начинающегося дождя — словно сам город пытался остановить его.

— Зачем ты её отпустил? — шипел протез. Голос шёл из стеклянных пальцев, которые пульсировали багровым светом. Внутри протеза, как рыбы в аквариуме, плавали десятки лиц. Сейчас говорило одно — мальчишеское, с выбитым зубом. — Она Глушитель! Последняя! Мы могли бы

— Заткнись, Тень, — прохрипел Ксан, перепрыгивая провал между зданиями. Тело лорда Ашби глухо стукнулось о его бок. — Она не игрушка. И не ингредиент.

— Но её сила

— Я сказал — заткнись!

Протез замолчал, но продолжал светиться. Ксан знал: Тень не успокоится. Голоса внутри стекла никогда не успокаивались. Они питались его страхами, его сомнениями, его вечным желанием сделать хоть что-то правильно.

Ксан спрыгнул на мостовую Нижнего города, прижимая тело к груди, и скользнул в подворотню, пахнущую мочой и прелыми травами. Здесь, в тени Трилистника, никто не задавал вопросов. Здесь даже мёртвые имели право на молчание. Каменные стены, покрытые плесенью, шептали что-то на языке забытых богов, а лужи у ног отражали багровый отблеск его протеза.

— Ты обещал, — произнёс вдруг лорд Ашби.

Ксан вздрогнул. Тело на его руках не шевелилось — глаза попрежнему оставались выжженными ямами, грудь не вздымалась. Но голос был. Тонкий, как струна, ломкий, как старое стекло.

— Я не обещал, — ответил Ксан. — Я сказал «посмотрим».

— Ты сказал, что вернёшь меня.

— Я сказал, что попробую. Это большая разница.

Он занёс тело в заброшенную кузницу — своё временное убежище. Горн давно остыл, вместо мехов свисали гнилые верёвки, а на стенах кто-то углём нарисовал молящихся. Ксан положил лорда Ашби на верстак и уставился на него. Сырой воздух наполнял лёгкие запахом ржавчины и тлена.

— Ты мёртв, — уточнил он. — Почти. Твоя душа выжжена, дар украден. Я не бог. Я даже не хороший алхимик.

— Ты единственный, кто слышит, — прошептало тело.

— Это потому, что я сам наполовину мёртв.

Ксан поднял протез и провёл стеклянными пальцами по

лицу лорда. Багровый свет заструился внутрь, ощупывая пустоту там, где раньше была память о боли. И ничего. Абсолютная пустота.

— Тот, кто это сделал, — заметил Ксан, — не просто украл твой дар. Он высосал саму способность чувствовать. Такое под силу только

— Глушителю, — закончил протез голосом Тени.

— Или тому, кто стал чемто большим.

Ксан откинулся на проржавевшую стену и закрыл глаза. Перед внутренним взором всё ещё стояла она — пепельно-волосая девушка с пустыми глазами и красным отпечатком ладони на груди мёртвого лорда. Глушитель. Настоящий. Не выдумка для страшных сказок.

«Она могла бы выпить боль из тебя, — шепнул Тень. — Очистить. Сделать нормальным».

— Я никогда не был нормальным, — ответил Ксан вслух. — И она мне не нужна. Мне нужно тело. А тело — это улика. Значит, рано или поздно она придёт за ним. Или инквизиция. Или он.

Ксан посмотрел на дверь, за которой шумел дождём Трилистник. Капли барабанили по крыше, словно отсчитывая последние мгновения тишины.

— У нас мало времени, — сказал он телу. — Но я придумаю, как тебя вернуть. Хотя бы для того, чтобы ты сказал, кто тебя убил.

Тело молчало. А протез тихо, едва слышно запел — го-

лосами всех, кого Ксан не смог спасти. Их шёпот сливался в единую мелодию отчаяния, которая эхом отдавалась в его голове.

В это же время Элиан стояла в кабинете инквизитора Вайолет и пыталась не испачкать кровью ковёр ручной работы. Каждая секунда давалась с трудом — рёбра горели огнём, дыхание вырывалось рваными толчками.

— Ты выглядишь ужасно, — заметил Вайолет, не поднимая головы от бумаг. Она сидела за столом из чёрного дуба, и её длинные рыжие волосы струились по пергаментам, как языки пламени. — Садись.

— Не могу, — ответила Элиан. — Рёбра сломаны.

— Тогда ложись. Пол у меня чистый.

Вайолет была единственной инквизиторшей в Трилистнике, которая носила не чёрную мантию, а багровую — цвета запёкшейся крови. Её дар — чувствовать ложь — делал её опасной для любого, кто хоть раз говорил неправду. Элиан знала, что Вайолет уже всё поняла. Прочитала по лицу, по дыханию, по тому, как она держит разбитое тело.

— На нас напали, — сказала Элиан. — В морге. Алхимик. Украл тело лорда Ашби и сломал мне два ребра.

— Три, — поправила Вайолет, поднимая голову. — Левое ребро треснуло, правое сломано в двух местах, третье просто смещено. Ты должна лежать в лазарете, а не ходить по городу.

— Мне нужна твоя помощь.

— А мне нужна правда.

Они посмотрели друг на друга. Элиан знала, что сейчас, в этой комнате, любая ложь обернётся против неё. Вайолет не просто инквизитор. Она — охотник на Рваных, которые нарушают закон. И если узнает, что Элиан Глушитель

— Тот Алхимик, — начала Элиан осторожно, — он знал, кто я. Он назвал меня Глушителем.

Вайолет не удивилась.

— И ты пришла ко мне, потому что думаешь, я тебя сдам?

— Я пришла, потому что у меня нет выбора.

Инквизитор откинулась на спинку стула и посмотрела в окно. Там, за мутным стеклом, Трилистник горел огнями — богатые кварталы светились голубым (магия покоя), бедные — красным (боль, которую некуда деть). Дождь размывал границы между мирами, превращая улицы в реки из света и тьмы.

— Третья жертва, — уточнила Вайолет. — Лорд Ашби — третий Рваный за месяц, у которого выжгли дар. Не украли. Не забрали. Выжгли. Под самый корень.

— Я знаю.

— А ты в курсе, что у нас нет подозреваемых?! Что инквизиция в панике? Что Совет готов обвинить Нулевых и устроить чистку?

Элиан молчала.

— А теперь приходит Алхимик, ворует тело и оставляет тебя в живых. Вайолет встала и подошла к Элиан так близко,

что та почувствовала запах лаванды и меди. — Почему он пожалел тебя? Зачем ты ему нужна?

— Я сама не могу этого понять, — Элиан сглотнула. — Но я знаю, где его искать.

Вайолет подняла бровь.

— Где?

— Он не ушёл далеко. Он забрал тело не для себя. Он хочет его оживить. А для этого ему нужно место, где магия крови течёт близко к поверхности. Это может быть Забытый Госпиталь. Подземелья под старым кварталом.

— Забытый Госпиталь заброшен двадцать лет.

— Именно поэтому он пойдёт туда.

Вайолет долго смотрела на Элиан. Потом кивнула в знак согласия.

— Я дам тебе трёх стражников. Ты пойдёшь туда завтра на рассвете. И доставишь мне Алхимика. Живым или мёртвым — не важно. Главное, чтобы он рассказал, кто стоит за выжженными душами.

— А если я откажусь?

Вайолет ехидно улыбнулась.

— Тогда я вспомню, что по закону всех Глушителей положено сжигать на костре. И ты, Элиан Норвуд, полетишь в топку первой.

Она протянула руку. Элиан пожала её — и почувствовала, как дар Вайолет скользит по её коже, проверяя каждое сказанное слово.

— Хорошо, — согласилась Элиан. — Завтра на рассвете я пойду.

Она вышла в коридор, прижимая руку к ушибленным рёбрам. Внутри всё кипело. Элиан только что заключила сделку с инквизицией. И теперь у неё есть меньше двенадцати часов, чтобы найти Алхимика раньше, чем его убьют.

«Глупец, — подумала она о Ксане. — Нафига ты украл тело? Зачем пришёл в мой морг? И главное — назвал меня Глушителем при свидетелях? Придурок.»

Дождь усилился. Элиан натянула капюшон и шагнула в ночь. В воздухе витал запах озона и железа, похоже приближалась гроза.

В кармане её куртки лежал осколок стекла с застывшим женским лицом. Он всё ещё пульсировал — в такт её сердцу.

— Я найду

Глава 3

Глава 3. Серебряная колыбель

Двадцать лет назад воздух Забытого Госпиталя был пропитан не смрадом смерти, а иллюзорным ароматом надежды — тонкой, обманчивой вуалью, скрывающей бездну. Это была самая изощёренная ложь, какую только могла придумать человеческая жестокость.

Элиан не помнила своего настоящего имени — оно растворилось в памяти, как утренняя дымка над болотом. Не помнила материнского голоса, что когда-то напевал колыбельные, цвета стен в детской комнате, вкуса тёплого молока с мёдом, которое, возможно, когда-то согревало её осенними вечерами. Первые воспоминания начинались с ощущения боли — чужой, липкой, безымянной. Она текла в неё через серебряные трубки, вживлённые в позвоночник, словно ядовитый нектар, питающий неведомую силу.

Элиан была не единственной в этой больнице.

В Госпитале — тогда он гордо именовался «Приют Последнего Шанса» — содержалось сорок семь детей. Их привозили из разных уголков Скорби: сирот, подкидышей, про-

данных за горсть монет, словно бесполезный товар. У всех был один статус: Нулевые. Без дара, без боли, без будущего. Пустые сосуды, ожидающие наполнения.

Пока не пришёл Магистр Силенциум.

Он стоял в большом зале, где стены помнили каждое сказанное слово, и его голос звучал, как удары колокола:

— Эти дети будут первыми, — разъяснял он Совету. — Мы не даём им дар. Мы учим их забирать чужую боль. Представьте: Рваный, который не чувствует страдания. Солдат, который не ломается под пытками. Город, где никто не плачет по ночам.

Совет аплодировал. Совет не знал, что «забирать» значит «носить в себе» — как тяжёлый рюкзак, набитый осколками чужих страданий.

Маленькая девочка — та, что станет Элиан Норвуд, — проснулась первой.

Ей было четыре года, когда серебряные трубки впервые запульсировали жидкой болью. Это ощущалось, словно тысячи муравьёв ползают под кожей, будто чейто крик запечатан прямо в кости, пульсирует в такт её сердцебиению. Она заорала — крик вырвался из груди, как дикий зверь из клетки. Схватила за край кровати и сломала её — дерево хрустнуло, как сухая ветка под ногой путника.

— Тише, — успокаивала женщина в белом халате. Её лица девочка не запомнила — только запах ландышей, перебиваемый кислым ароматом страха. — Успокойся, милая. Это

просто такое лекарство. Оно делает тебя особенной.

— Мне больно, — прошептала девочка, её голос дрожал, как пламя свечи на ветру.

— Это скоро пройдёт, — пообещала женщина, но в её глазах читалась ложь.

Не прошло.

Боль никуда не делась. Она только меняла форму, цвет, вкус — становилась колючей, как множество иголок, то вязкой, как патока, становилась острой, как лезвие. Но никогда не исчезала полностью. В пять лет девочка могла зарыдать от прикосновения к другому человеку — её кожа чувствовала чужие ссадины, ушибы, переломы, словно эхо далёких ударов. В семь лет она научилась блокировать это, строить стены внутри себя — высокие, каменные, с зубцами, как у средневековой крепости. В девять — поняла, что стены не спасают. Боль просто копилась за ними, росла, жила и ждала своего часа.

В десять лет она впервые убила.

Не специально. Рядом с ней в лазарете лежал мальчик по имени Том. У него был рак костей — неизлечимый даже магией, словно проклятие, наложенное на невинную душу. Он кричал по ночам, его крики будили всех, не было сил слушать его страдания. И однажды девочка не выдержала — подошла к его кровати, положила ладонь на грудь и попросила: — Отдай свои страдания мне.

Том затих. Его боль перетекла в неё — горячая, едкая, с

металлическим привкусом, словно кровь на языке. Мальчик улыбнулся впервые за три месяца и закрыл глаза. Навсегда.

— Ты убила его, — сказала сестра Вайолет (тогда ещё не инквизитор, просто старшая воспитанница). Её голос был холодным, как лёд, но в глазах мелькнуло что-то, похожее на жалость. — Ты забрала не боль. Ты забрала желание жить.

Девочка смотрела на свои ладони. На них не было крови. Только красные отпечатки — следы, которые остаются на тех, кого она касалась, словно ставила клеймо.

— Я не хотела этого, — прошептала она, её губы дрожали, а в горле стоял ком.

— Теперь уже не важно, — ответила Вайолет. — Хотение не отменяет последствий. Эти слова навсегда запали в душу девочки.

В двенадцать лет эта девочка получила имя. Не настоящее — рабочее. Инквизиция решила, что дети Глушители должны быть учтены в специальном реестре, словно скот на ферме. Силенциум назвал её Элиан. В честь древнего лекарства от бессонницы.

— Потому что ты даришь покой и избавляешь от боли, — пояснил он, его улыбка была тонкой, как лезвие бритвы.

— Я убиваю её, — возразила девочка, её глаза сверкнули, как два холодных огня.

— Боль нельзя убить. Её можно только отдать другому, — к сожалению он был прав. И девочка носила в себе боль сорока трёх детей, семи взрослых и двух собак, которых слу-

чайно погладила по голове. Она не могла спать. Ей снились чужие кошмары — лабиринты ужаса, из которых не было выхода. Она перестала узнавать своё лицо — в зеркале отражался кто-то другой, составленный из кусочков чужих страданий, словно мозаика из осколков цветного стекла.

Когда девочке исполнилось тринадцать лет, Госпиталь сгорел.

Элиан не знала, кто устроил пожар. Одни говорили — Совет решил замести следы, стереть улики о своих преступлениях. Другие — Силенциум сошёл с ума и уничтожил своё творение, как художник, ненавидящий свою картину. Третьи считали, что это были сами дети, уставшие быть контейнерами, накопившими столько боли, что она взорвалась, как бомба.

Она помнила только эвакуацию. Дым, едкий и густой, заполняющий лёгкие, как ядовитый газ. Крики, рвущие барабанные перепонки. И женщину с лицом, закрытым серебряной маской — та схватила Элиан за руку и вытащила через окно, когда рушилась крыша, словно мир распался на части.

— Беги, — приказала женщина, её голос звучал издалека, сквозь шум бушующего пламени. — Никогда не возвращайся. И никогда не вспоминай, что здесь было.

— Кто ты? — спросила Элиан, её сердце билось, как пойманная птица.

— Та, кто создала тебя. И та, кто просит прощения, —

ответила женщина.

И тут же исчезла в огне, словно мираж, растворяющийся в утреннем тумане. А Элиан побежала — босиком по битому стеклу, с чужими криками под кожей, с пустыми глазами и полным отсутствием прошлого. Она не догадывалась, что женщина в маске была её матерью. Не знала, что мать добровольно отдала её в Госпиталь, потому что искренне верила — так дочь станет бессмертной. Не ведала, что мать выжила в пожаре и теперь бродит по Скорби, собирая осколки того, что когда-то называлось совестью.

Элиан было неизвестно ничего. Кроме одного: внутри неё спит город мёртвых. И если она когданибудь проснётся по-настоящему, этот город поднимется — восстанет из пепла, как феникс, и обрушит свою ярость на мир.

Сейчас, двадцать лет спустя, Элиан Норвуд стояла под дождём, капли которого стекали по её лицу, словно слёзы, не пролитые в детстве. Она смотрела на старые стены Забытого Госпиталя. Они не изменились. Снова эти серые камни, холодные и бездушные. Те же зарешёченные окна, напоминающие глаза слепца. И неизменный запах ландышей и страха, что въелся в поры старого камня.

— Ты вернулась, — произнёс кто-то из темноты. Голос был тихим, но пронзил её, как остриё кинжала.

Она обернулась. Никого. Только ветер шевелил ржавые цепи на воротах, издавая жалобный скрип, похожий на стон призраков прошлого.

— Вернулась, — прошептала она, и её губы едва дрогнули. — Чтобы закончить то, что началось в огне.

В кармане пульсировал осколок стекла — холодный, острый, как воспоминание. Элиан сжала его, ощущая, как острые грани впиваются в ладонь, оставляя тонкие порезы. Она шагнула вперёд — в место, где когда-то умерла её душа, где каждый камень помнил её крики.

Там, в глубине подземелий, её уже ждали. И не только Ксан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.